

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ФЕДОР СОКОЛОВСКИЙ

**РЫЦАРЬ
ШЕСТОПЕР**

РОМАН

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С59

Серия основана в 1992 году
Выпуск 965

Художник
В. Федоров

Соколовский Ф.

С59 Рыцарь Шестопер: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2053-7

Недаром говорится: «Приходит гол человек в сей мир и уходит так же, ничего с собою не забрав из нажитого добра». Но ведь самое главное остается: знания, опыт да умения. И если высшие силы дают шанс повторного возрождения, память предыдущей жизни бесценна.

Вот и наш современник, позорно погибнув у нас, позорно воскрес где-то в ином мире, но осознания собственного «я» не потерял. Это его и спасло от повторного умерщвления. Пришлось изворачиваться в новом мире как уж на сковородке, дабы не пасть от происков злобных колдунов, от острых мечей врагов-недоброжелателей и от ласковых ручек возлюбленной ведьмы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Федор Соколовский, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2053-7

Глава первая ВОДВОРЕНИЕ В АД

Василий Юрьевич Райкалин, сорока шести лет, умер только что. И осознал это со стопроцентной гарантией, потому что видел приближающийся тротуар, падая изломанной куклой с шестнадцатого этажа. После такого не выживают. Да и сам полет показался весьма и весьма болезненным от пронзивших все тело судорог. Затем удар и мрак... Некрасиво умер... И глупо. И стыдно...

Поэтому когда по истечении всего парочки мгновений глаза Райкалина вновь стали открываться, ощущения тела возвращаться и он вдруг судорожно задышал, то долго потом не мог поверить, что судьба ему даровала второй шанс. Точнее говоря, вторую жизнь. Ибо вначале не возникло и капельки сомнений, что он попал прямиком в ад. А какая в аду бывает жизнь? Наверняка жуткая, сразу не просматриваемая за клубами горячей серы и жаром слепящего пламени.

Глаза заливало не только слезами, но и противным, едким потом. Гортань царапало колючими, если не сказать мерзкими, запахами. Внутренности выворачивало наизнанку от подступившей рвоты. Левое бедро пульсировало болью, а из явного пореза теплой струйкой вытекала кровь. И уж совсем шокирующими показались ощущения, что совсем недавно собственное тело испражнилось прямо в штаны. Кстати, один из мерзких запахов этот конфуз внутренних органов подтверждал.

«Откуда штаны взялись? — мелькнуло недоумение. Ведь когда падал — был в чем мать родила!.. И почему кипящей смолы вокруг не чувствую?»

Но самые большие неприятности вместе с болью доставляли впившиеся в руки и ноги грубые веревки. Ну и проходящий за спиной шершавый столб, рвущий кожу на голой спине выступающими сучками.

На фоне этих ощущений звучащие со всех сторон вопли, угрозы, смех и гомон порядочной толпы чертей (или грешников?) как-то вяло доходили до сознания. Тем более что для понимания звучащих слов приходилось перенапрягаться до головной боли. Но слова все равно оставались в своем большинстве непонятны.

Зато весьма четко удалось разобрать две фразы, донесшиеся слева:

— Глянь, этот неженка не умер? Головой шевелит...

— Умрет такой! Скорей притворился, что потерял сознание после пореза...

С правой стороны тем временем доносились стоны, и чем громче они звучали, тем более бурно реагировала толпа. Не иначе кого-то мучили на потеху скоплениям народа. Если учесть, что вокруг ад, то кто тогда зрители? Неужели все-таки черти?

Василий понимал, что насмотреться на рогатых демонов за тысячелетия своих мучений еще успеет, но промаргиваться стал энергичней. Да и голову поднял настолько, что сумел рассмотреть творящееся перед ним действие.

У его ног грудой громоздились обломки сучьев, вязанки хвороста и деревянные останки нехитрой деревенской утвари времен... ну, допустим, развала Римской империи. Готовый к поджиганию костер располагался в линию. В ней, также в ряд, пять столбов. Умерший только что Райкалин — на столбе посередине. Справа и слева от него еще по два человека. У всех руки подняты вверх, заведены вокруг столба и так связаны. Те, что слева, молодые парни, которым нет и семнадцати, имеют по несколько ран на бедрах, смотрят угрюмо, с полной безнадегой. Разве что просматривается в их взглядах неуместное удивление.

Тех, что справа, уже солидных по возрасту мужчин, мучают изуверским способом, прокалывая копьями ноги.

Занимается мучением стоящая полукругом толпа — этакая помесь пиратов с крестьянами, беглыми дезертира-

ми и затрапезными вояками-кнехтами времен ордена крестоносцев. Человек сто, среди которых пятая часть — вооруженные особи женского пола. О том, что это местные дамы, можно было догадаться лишь по гротескным юбкам длиной по шиколотки да по длинным волосам, чаще заплетенным в косы. В остальном грязные, страшные, противные, как и мужчины.

Все людишки в копоти, саже, с разнокалиберным и несуразным оружием, начиная от рыцарских копий и заканчивая колами, вырванными из забора. Детей младше четырнадцати лет не наблюдалось.

Целостность картины дополняли перекошенные избы, полугрунтники и лачуги из самых удачных фильмов про Баб-у-ягу. Разве что несколько домов резко выделялись основательностью и просмоленной дранкой на крыше. Между этими, с позволения сказать, жилищами там и сям валялись трупы людей и лошадей. С трех сторон к поселку подступал лес, с четвертой стороны виднелись поля с какими-то овощными и зерновыми культурами. Благодаря тому что был привязан к самому высокому столбу, Василий имел и наилучшую точку для обозрения.

«Сомнительная привилегия... — сыронизировало боевое прошлое, вновь вернувшись к наблюдению за пейзажами. — По центру как раз и сосредоточится самое горячее пламя костра».

Толпа заходила в восторге, наблюдая за сомнительным развлечением и участвуя в нем. Верховодили же совсем не харизматичные личности в некоем подобии обмундирования, имеющие в руках самое лучшее оружие — рыцарские копыя. Они по очереди тыкали то одного пленника, то другого и хохотали громче всех. Стоны страдальцев порой перемежались угрозами из их уст и проклятьями, но это лишь еще больше заводило и веселило публику. Человек десять в толпе бравировали имеющимися у них лугами разных модификаций и размеров.

Еще вдоль всего ряда куч хвороста стояло пять человек с большими, ярко горящими факелами. Не возникало сомнений, что, как только забава с копиями подойдет к концу, они тут же синхронно подожгут костер со всех сторон.

Тогда и начнется апофеоз праздника, с прыжками через костры.

«Странный какой-то ад, — размышлял Вася, вращая головой во все стороны. — Или это еще только преддверие геенны огненной? Первый круг, так сказать? Место, где грешники издеваются над грешниками?..»

Напрягая попеременно мышцы рук, ног, пресса, а потом и шеvelя плечами, понял, что тело его. Накачанное, тренированное, сильное, без недавних переломов, полученных в той жизни, еще перед падением. Причем молодое! Очень молодое, лет двадцати на первый взгляд. Хоть и явно поврежденное синяками, ушибами и порезом на левом бедре. И, что самое неприятное, изгаженное...

Тем временем эйфория толпы достигла пика, и народу захотелось погреться.

— Поджигай! — послышались крики. — Прожарьте им пятки! И печень! Вместе с...

Грязные пошлости перемежались новыми взрывами смеха.

Райкалин с некоторым изумлением заметил новых участников событий. Между лачугами, стараясь это делать незаметно для толпы на площади, перебежали фигурки воинов. Похоже, что лучников, с большими, почти в их рост луками. Да и за дальними сараями виднелись быстро перемещающиеся рыцарские шлемы. Не иначе там кто-то приближался верхом.

«Никак первый круг ада плавно переходит сразу во второй? — попытался иронизировать пленник. — Или это у меня такой сон?.. А может, галлюцинация? Скорей всего так и есть... Я ударился о тротуар, мозги растекаются по бетонной плитке, а остатки сознания прокручивают смесь кошмара и какого-то исторического ужасика... Самое здоровое рассуждение, иначе и быть не может...»

Оказалось, что появление новых действующих лиц заметил не только он. Окровавленный мученик, висящий справа от Василия, вдруг заорал:

— Стойте! Не сжигайте меня! Я покажу вам, где спрятаны сокровища князя Балаша Скорого!

Ух, как проняло толпу! До печенок! Сразу трое, если не

четверо, заорали на своих поделщиков, приказывая молчать, а потом потребовали от страдальца повторить сказанное. Тот повторил, опять ставя обязательным условием, чтобы ему за это даровали жизнь. После чего, без перехода и без дополнительных требований, пленник стал красочно описывать сундуки с золотом и драгоценными камнями, которые находятся в известном ему месте. И не надо было быть хорошим психологом, чтобы понять: рассказчик попросту всеми силами старается оттянуть время своего сожжения. Скорей всего он сразу сообразил, кто спешит к приговоренным на помощь.

С одной стороны, у него все получилось великолепно. Только что ревшая толпа затаила дыхание и старалась ни слова не пропустить из сказанного. С другой — в этом и крылся небольшой просчет: стало слишком тихо. И все прекрасно слышали топот приближающейся конницы. Вся сотня с лишним голов повернулась в сторону опасности, и все сто с лишним глоток исторгли крик ярости. Хотя на открытое пространство и выскочило всего-то восемь конных рыцарей в полном рыцарском облачении. Их здоровенные лошади тоже поблескивали броней и кольчужными попонами.

Еще звучал крик ярости, когда из многих уст сорвались самые противоречивые команды, а вышедшие из-за лачуг лучники уже отправили в полет стрелы. Первыми жертвами пали как раз лучники в толпе. Вторыми — факельщики. Следом стали валиться копьеносцы. А там и рыцарская конница широким, расходящимся веером вломила в несуразный, но смело подавшийся навстречу строй разношерстного пешего воинства.

Казалось бы, победа будет на стороне обороняющихся, десятикратное, если не пятнадцатикратное преимущество давало им для этого все шансы. Но...

Неведомо как сюда попавший грешник перестал дышать, наблюдая за страшным таранным ударом, который нанесли рыцари. Орудуя длинными, тяжеленными мечами, они с одного удара уничтожали двоих, троих, а то и четверых противников. Особенно если конь мчался, не сбавляя скорости. Еще одного-двух пейзажей затаптывали гигантские

копыта или рвали шипы, торчащие в стороны из лошадиных нагрудников. При этом бронированные до пят рыцари не обращали малейшего внимания на удары кос, цепов, кольев, редких мечей, а то и еще более редких копий.

Пройдя стальной гребенкой сквозь оружий строй, они тут же развернули коней и вновь прошли по кровавому месиву. Затем еще раз. После чего оказалось, что сражаться больше не с кем. Несколько начавших разбежаться обороняющихся легко перехватила и уничтожила редкая цепочка лучников, взявшаяся за мечи.

Ни один из рыцарей не пал. Ну разве что двое оказались ранеными и пошатывались в своих высоких седлах.

Тогда как в центре площади трагедия разгорелась в прямом смысле этого слова. Пали от стрел все факельщики, но один свалился настолько неудачно, что костер с правой стороны оказался подожжен. Хворост, скорей всего и маслом политый, вспыхнул моментально. И если двоих пленников с левой стороны спасители еще сняли в относительной безопасности для себя, то уже самого Василия выхватили из огня, получив некоторые ожоги. А вот тех, кто подвергся наибольшему мучениям, спасти не удалось, они задохнулись в дыму еще раньше, чем их опалило яркое, смертельное пламя.

Фактически и Райкалин еле прокашлялся, очнувшись только за какой-то лачугой, стоя на четвереньках в каком-то корыте. При этом его интенсивно поливали водой, требовали снять и выбросить штаны и шипящими голосами... ругали! И ругали те самые юные страдальцы, которые недавно висели на столбах слева!

Разум пропускал ругательства в себя с трудом, замедленно, словно с огромным сомнением. Но в сути сомневаться не приходилось:

— Радуйся, ушлепок, что доблестные рыцари Гальцар и Вэрширок угорели!

— Они бы тебя сейчас лично растерзали за позорящее рыцаря поведение!

— И моли богов, чтобы никого из этой толпы уродов не взяли живьем и не допросили, выясняя, как трусливо ты себя вел.

— Нам же просто деваться некуда, придется тоже молчать. Потому что нас, как твоих оруженосцев, либо казнят вместе с тобой, либо навсегда лишат возможности стать рыцарями.

Судя по выражениям лиц и тону, парни в самом деле предпочли бы пойти на казнь, чем потерять возможность стать рыцарями. Исходя из житейского опыта, понимания воинской дисциплины и минимального знания истории, Райкалин сделал вывод, что оруженосцы не имеют права рта раскрыть на своего рыцаря, но тут вообще пошли угрозы:

— Если ты по собственной тупости проговоришься об ошибках всего нашего отряда, мы тебя тоже щадить не станем! Опозорим на весь мир тебя и твой род до пятого колена!

— Поэтому лучше вообще притворись пока раненым, мычи и показывай на язык, мол, поврежден. Морда у тебя с виду хорошо покалечена. А мы сами все расскажем.

— Ты только кивай, подтверждая наши слова. Понял?

Вот Райкалин и кивнул, в который раз языком ощупывая полость рта. Двух передних зубов — если не трех! — не было, обе губы разбиты и до сих пор кровоточат, так что отговорка для молчания вполне подходящая. Должны поверить, что и язык пострадал.

Он рассмотрел тех, кто его ругал. С высоты опыта прожитых лет оба показались ему недорослями. Лет по шестнадцать каждому, молоко, как говорится, на губах не обсохло. Один плотной комплекции, блондин с наивными глазами на круглом лице. Второй — худощавый, более злой на вид, черноволосый. Он же и ругался громче и с большим презрением.

Оставалось только самому понять, что же случилось здесь с собственным, нынешним телом? Чем оно опозорилось? Неужели так испугалось предстоящего сожжения, что потеряло сознание? Или обгадилось в тот момент, когда копьём нанесли укол в бедро? Конечно, подобное для человека, носящего звание рыцаря, недопустимо.

Но с другой стороны — чего стесняться и кого стыдить — в аду? Все равно ведь хуже некуда! Разве что отправят на второй круг мучений?.. А вот туда почему-то не хотелось.

Размышляя об этом, Вася действовал тем не менее быстро и сноровисто. Разделся догола, омылся в первом корыте, потом в сравнительно чистой воде второго и начал присматриваться, как бы сподручнее приступить к мародерству. Потому что его оруженосцы занимались как раз этим неприязнительным делом, ибо трупов на этом подобии улицы хватало. Ну и попутно забинтовывали свои раны разорванными рубашками, снятыми все с тех же трупов.

Глядя на них и царящую вокруг антисанитарию, Василий даже не сомневался: умрут, как пить дать умрут от заражения крови или от гангрены! При этом в сознании преваляровала четкая уверенность, что пенициллина или иных антибиотиков здесь не найти. Но неужели тут чего почище не отыщется? И хоть что-нибудь для промывки ран?..

Просто сесть в сторонке и подумать над происходящим и о том, как он здесь оказался, ему и в голову не пришло. Если в первом кругу ада можно выжить, значит, следует за это бороться. И было бы глупо своими умениями воина не воспользоваться. Логика подсказывала: проскочишь на второй круг — станет втрое хуже. А все остальное можно будет выяснить позже, после приведения себя в порядок. И для начала следовало срочно найти обувь на босые ноги.

При ближайшем рассмотрении некоторые жилища не столь уж и удручали своим видом. Вполне такие крепенькие, герметичные, тщательно укрывающие свои внутренности от ветра и дождя. Кое-какие уже догорели и только дымили грудами тлеющих бревен, но большинство оставались целыми и, похоже, даже не разграбленными. Вот в одну из таких изб, наиболее солидную и неприступную с виду, Райкалин и направился, зажимая левой ладонью все еще кровоточащую рану на ноге да присматриваясь внимательно к валяющимся трупам. Оружия возле тех не наблюдалось. Вилы, косы и колья — не в счет.

Впервые услышал, как его тут называют:

— Шестопер!

Прозвище или фамилия? Но один из оруженосцев, тот, который чернявый, худошавый, довольно вальяжно обращался непосредственно к нему:

— Ты бы в дом не заходил. Могут и на вилы насадить. Вроде тати не успели селян всех зачистить, к тому же не положено обижать оставшихся в домах, да и потом самих татей всех на площади порубали, но какая-то гнида может и прятаться. А нашим спасителям проводить полный обыск смысла нет. Пусть этим жупан занимается со своими оружными кметами.

— К тому же нам без особого разрешения старосты или приказа баннерета¹ вообще запрещено в дома заходить! — напомнил второй.

Такое заявление требовало кучу пояснений и комментариев. Но, чтобы их получить, следовало вначале задать соответствующие вопросы, чего Вася Юрьевич сделать никак не мог. Что вокруг говорили, понимал с трудом, а уж как самому пару слов связать, понятия не имел.

Да и не привык он оглядываться на сердобольных нянек или ждать советов от каких бы то ни было опекунов. Поэтому проигнорировал предупреждение, поднял давно замеченную дубинку и, подкидывая ее в правой руке, продолжил движение. Дубинка оказалась ладной, сделанной не иначе как из прочного корневища, да еще любовно отполированной в своей узкой части. И не длинная, сантиметров шестьдесят, в самый раз для возможного столкновения в замкнутом пространстве.

Прежде чем открыть дверь, Райкалин оглянулся: оба его полуодетых оруженосца смотрели ему вслед, отвесив челюсти.

«Что-то я делаю не так? — задумался он на мгновение. — Или для рыцаря зазорно войти в такую убогую хибару?.. Плевать! Мне нужна чистая ткань и водка!.. Мм... размечтался...»

Логика подсказывала, что ни водки, ни тем более спирта тут днем с огнем не сыскать. Хоть бы вино какое нашлось, и то счастье будет.

За дверью оказалось сумеречное пространство главной комнаты-горницы, вполне возможно, что вообще единственной. Плотно уставленная какими-то сундуками, стола-

¹ Баннерет — командир небольшого отряда рыцарей.

ми и лавками. Но раз есть сундуки, следовательно, в них что-то хранится. Оставалось только войти и покопаться, тем более что парочка из них стояли раскрытыми и на откинутых крышках свисали не то одежды, не то куски ткани.

Давая глазам привыкнуть к темноте, Райкалин сделал первый шаг. За ним — второй, со всем тщанием прислушиваясь. И не пожалел о своей осторожности. Скрипнула половица, тут же раздался ускоряющийся топот, и навстречу нежеланному гостю ринулось что-то массивное и рычащее. Удалось рассмотреть, что это крупный мужик и прет он навстречу не с пустыми руками. Хищно блеснул здоровенный меч, похожий на те, коими рыцари недавно порубали в капусту более сотни местных пейзан. При низком потолке, да и вообще в помещении, воспользоваться такой оглоблей только и можно было как копьем.

«Но не против же меня?! — возмутился мысленно Василий, уворачиваясь от стального острия, пропуская грузную тушу мимо себя и выверенно добавляя дубинкой по бритому затылку. — Экий ты, дядя, негостеприимный!.. Остынь маленько!»

Мужик вылетел в раскрытую дверь и растянулся за невысоким крыльцом как неживой, накрыв телом двуручный меч. А отбивший атаку Райкалин замер, отступив к стене и затаив дыхание. Потому что опять скрипнула половица: в доме находился еще кто-то. Но второй тип атаковал молча, стремительно двигаясь на цыпочках и не создавая шума своими босыми ногами.

Тут уже гостя спасла больше интуиция, чем наработанное годами физическое совершенство. Он попросту присел, и широкое лезвие массивного боевого топора с глухим чмоканием вошло в деревянную стену. Нападающий при этом просел, его развернуло по инерции, и он раскрылся во всей своей незащитности. Райкалин этим немедленно воспользовался, пробив ребром левой ладони по гортани нападающего. Причем совершенно неожиданно для себя ударил не в полную силу, так, чтобы отключить, но не убить.

Получилось мастерски. Вполне стройный высокий парень упал на спину и засучил в судорогах ногами. Вася под-

хватил болезного за ворот прочной холщовой рубахи, выволоком наружу и швырнул безжалостно прямо поверх тела первого мужика. Вернулся в дом, с минуту постоял, вслушиваясь в относительную тишину, и понял, что там больше никого нет.

После чего спокойно выдернул топор из стены и снова вышел на невысокое, всего в одну ступень, крыльцо. Глянул с досадой на рану, которая вновь стала обильно кровоточить.

«Так я совсем без крови останусь! Надо срочно делать перевязку! — А вот на парочку мародеров посмотрел уже с нарастающим раздражением. Те стояли, словно два барана, и продолжали пялиться на хибару и на новые тела выпуклыми глазами. — Что я опять сделал не так? Тут за две сотни трупов, и они их не удивляют. А два поверженных крестьянина их ввели в ступор? Неужели рыцарю зазорно касаться черни руками?.. Хм! Судя по их виду, в самом деле зазорно, скорей всего можно только оружием... Кстати, хороший меч...»

Пройдя вперед, Василий нагнулся, перекинув боевой топор в левую руку. Откатил начавшие мычать тела в сторону и поднял меч правой рукой острием вверх, произвольно любуясь импозантным оружием. Раньше такие раритеты только в музеях доводилось видеть, но сразу ощущалось, что в руках истинная историческая ценность. Такой двуручник на аукционах «Сотбис» или «Кристис» не стыдно выставить. А уж деньжищи можно было бы огрести за него бешеные.

Из-за угла дома медленным шагом выехал на своем гиганте конный рыцарь. Приоткрыл забрало на своем шлеме и воскликнул:

— Ай да Шестопер! Вот это герой, вот это подвиг! Лично зарубить безоружных крестьян! Или... — Рыцарь сделал паузу, словно только сейчас что-то заметил, и продолжил ерничать: — Точно! Ты ведь их собираешься поиметь! Ха-ха! Тоже неплохо! А то я думаю, для чего же ты разделся-то?.. Хе-хе!.. — Пару раз хохотнув, он опять сделал паузу в речи — похоже, ждал достойного ответа на свои оскорбительные выкрики. Но, так и не дождавшись, с презрением

фыркнул: — Ладно, не буду мешать. Дело-то интимное... хе-хе!

Так и не остановив своего битюга, он пересек двор и скрылся за соседним домом. Двух замерших оруженосцев словно не заметил.

«А ведь они мои подчиненные! — сообразил Вася. — Обязаны любое распоряжение выполнять беспрекословно. Или тут такого нет?.. Да и вели они себя по отношению ко мне слишком нагло, угрожали почему-то... Правда, такое поведение после спасения от костра вполне объяснимо. Стресс, ужас, раны...»

Вспомнив о ране, он небрежно воткнул меч острием в землю, топор приставил к ноге и рукой поманил подчиненных к себе. Те лишь переглянулись между собой (уже в который раз!), но с места не двинулись. Пришлось промычать нечто гневное и требовательное, потому что выдать простенькое «Подойти!» или «Сюда!» показалось делом невероятным. Вроде как знал эти слова, но очень сомневался, что произнесет правильно.

Но мычание подействовало, парни подошли. Дальше приказы раздавались жестами и мимикой: указательный палец на свой глаз, потом на пришедших в себя крестьян. Мол, смотрите в оба за ними! Хотя на кой эти типы в просторных рубахах-хламидах были нужны, сам новоиспеченный рыцарь понятия не имел. Затем тоже понятные жесты: ты смотришь с мечом, а ты бдишь с топором. Ну и напоследок более сложное: «Кто это такой тут проехал и что-то в мой адрес вякал?»

Как ни странно, поняли. Один изумленно почесал пятерней в затылке, второй растерянно пробормотал:

— Так ведь это рыцарь Коннеш Найт... — Еще и плечами пожал. — Он всегда над тобой издевается и оскорбляет насмешками.

— Особенно когда никого рядом нет, — словно выплюнул первый тип. Кажется, подобное отношение иного рыцаря к их господину он воспринимал как личную обиду.

Василий хмыкнул неопределенно, развернулся да и топтал обратно в дом. С этим Коннешом Найтом всегда успеется, а вот рана...

Сделав два шага по горнице, опять настороженно замер. Ничего ему не слышалось, да и перед тем, как выходил, имел уверенность, что живых за спиной не оставлял. Но что-то было не так. Что-то изменилось внутри за время его отсутствия.

Лишь через минуту пришло понимание картинки. В углу на лавке восседал старец. Темные одежды, седые волосы до плеч и непомерно загорелое лицо, безусловно, маскировали сидящего на фоне бревенчатых стен человека. По смуглости кожи следовало принять его за старого цыгана.

Но Райкалин готов был поклясться, что раньше там никого не было.

«Наверное, хозяин прятался за сундуками, — догадался об очевидном, — а после изгнания мною татей — вышел. Как бы его спросить о перевязке?..»

Старик заговорил сам, гневно и повелительно:

— Пошел вон!

Еще ничуть не сердясь, Василий прошамкал:

— Шафко фуфок фьяпки? — Желая спросить: «Жалко кусок тряпки?»

Как это ни странно, его речь поняли.

— Жалко! — заревел дед, словно изголодавшаяся зверюга. — Повторяю последний раз: пошел вон, жалкий смерд!

«О! И этот обзывается, — стал сердиться Райкалин. — Да и еще на рыцаря?! Тут так положено или хозяину дома тоже по голове досталось от разбойников?»

Вслух же, облизав разбитые губы, кровоточащие десны и сплюнув неприятный сгусток крови, уже более четко выговорил:

— Чего орешь, мухомор поганый? Дай кусок чистой тряпки да вина, чтобы промыть рану, и я уйду.

— Ха-ха! — Старик исторг из себя неприятный, визгливый смех. — Ты уже никуда не уйдешь! Дважды меня послушался! — Глянул чуть правее от голого гостя и приказал кому-то: — Отрежь ему полноги!

Громыкнула, закрывшись, входная дверь.

Василий не забывал вертеть головой по сторонам — рефлекс, вбитые на службе в горячих точках, действова-

ли и в этом странно омолодившемся теле. Так что он был готов поручиться, что ни сзади, ни тем более справа и слева от него никого нет. Тем не менее нечто его ударило, подсекая сзади под правое колено. Нога резко чуть согнулась, тело сильно покачнулось, но... Сзади никого не было!

В то же время странный предмет, по ощущениям как пластина из толстого стекла, словно приклеенный продолжал настойчиво давить на кожу и мышцы под ней. Показалось со страху, что это действительно стекло, которое сейчас скользнет в сторону и ногу попросту отрежет.

Поэтому, крутнувшись волчком влево, Райкалин еще и удар нанес противнику, который должен был находиться где-то там. Но... удар пришелся в пустоту, опять гость во круг себя никого не увидел, тогда как прикосновение к ноге чужеродного предмета не исчезло! Наоборот, пластина стала еще больше впиваться в тело.

Наверное, правая рука сработала скорее на инстинкте: прилепнула то место на ноге, словно там сидел здоровенный кусачий овод. В ладони осталось нечто скользкое, упругое и неприятно попискивающее. Лягушка?! Но уж никак не пластина из стекла.

Как ни омерзительно показалось сжимать в кулаке странную зубастую зверушку, Василий не спешил отбросить ее в сторону. Он в удивлении уставился на старого цыгана, который вдруг стал завывать, переходя чуть ли не на инфразвук. Еще и руки неожиданно вскинул в направлении непрошеного гостя, вытянув ладони в жесте, похожем на благословение.

«Это цыган что, колдовать собрался?! — чуть не заржал Райкалин, но тут же вспомнил, где находится. — Комиссару дивизию в тыл! Это же первый круг ада! Тут надо не звать!..»

Было бы у него оружие — применил бы, а так пришлось запулить в завывающего все громче дедка тем, что сжимал в правом кулаке. Еще и выдохнул в гнев:

— Да подавись ты!..

Он имел в виду чистую тряпку, которую старый прохиндей не просто зажал, а еще и лягушек науськивает на голого человека. И вдруг та самая лягушка на лету превратилась

в некое размытое, но плоское пятно, которое не шлепнулось деду в лицо, а... срезало ему верхнюю часть черепа. И как срезало! Ровно! Не разбрызгивая ни кровь, ни мозги по стенам. Словно хирург при трепанации прошелся лазерным скальпелем.

Но на этом странности не закончились!

Вой только на пару мгновений захлебнулся, потом вновь стал нарастать. Кровь хлынула на брови старика, на глаза и нос, но он не изменил позы и от намерений поколдовать не отказался. Мало того, место среза стало наливать натуральным огнем, и подобие красного жара подскочило вверх, словно странная шапка.

В отчетливом свете этого жара хорошо стало видно, как кромки среза постепенно растут, возвращая голове первоначальную форму.

«Ну вот и демоны местные нарисовались! — констатировал голый рыцарь, вначале медленно пятясь, а потом вновь выскакивая из дома на подворье. — Неубиваемые, так сказать... И коль *она* регенерирует, то потом за меня всерьез возьмется! И бросить в него больше нечем... А если мы его топориком покромсаем?..»

Увы! На дворе ни оруженосцев, ни пленных не было! А выяснить, куда это они запропастились, нехватка времени не позволяла. Главное, что трофейное оружие валялось на земле, словно его там бросили впопыхах. Подхватив топор с широченным, массивным лезвием, Василий метнулся опять в дом.

Успел, как подсказывала логика, вовремя. В смуглой черепушке деда оставалась дырка величиной с кулак. Именно на нее, стараясь не зацепиться при размахе за потолок, и опустил гость свой топор. Знатное оружие оказалось. Хорошенько замахнувшись, можно и три шеи перерубить.

В данном случае тоже получилось неплохо. Лезвие раскололо воющего колдуна надвое, застряв только в костях таза. Две половинки туловища отвалились в стороны, хлестнули потоки крови, от которых Райкалин успел ловко отскочить. Ну и вой все-таки прекратился сразу же.

Только теперь, с близкого расстояния удалось лучше рассмотреть кожу старика. Она не смуглой оказалась, а светло-шоколадного оттенка, как у мулатов.

Победитель топор вынимать не стал. Еще и хмыкнул пренебрежительно, направляясь к раскрытым сундукам:

— Тоже мне Кощей Бессмертный отыскался! Хе! И вообще, первым кругом вы меня нисколечко не напугали! Через такое прошел, что здесь развлекаться могу... Хотя, конечно, от второго круга хотелось бы воздержаться... Если получится...

И бормотал он это не просто так, а в полной уверенности, что так оно и есть. Иначе говоря, не сомневался, что он в аду. Странном, дивном, волшебном... но кто точно может сказать при жизни, как на том свете должно все выглядеть? Тем более что Василий, хоть и не раз заявлял, что он атеист, верил в существование загробного мира и давно уже смирился с тем местом, которое ему там было предназначено судьбой. Про рай, несмотря на свою несколько созвучную фамилию Райкалин, он никогда не думал и не надеялся туда попасть.

Вот потому сейчас не мучился лишними вопросами. Вот потому и не терзался угрызениями совести, убивая старого цыгана (или мулата?). Если Бог позволял ему, как воину, убивать людей там, при жизни, то уж здесь, в аду, можно все что угодно. Да и вообще, какие могут быть комплексы у старого солдата, циничного бизнесмена и завязтого прелюбодея, которого самого убили не больше часа назад? Правильно! Никаких!

Чистое белое полотно попало под руку чуть ли не сразу. А вот чем промыть рану, пришлось озаботиться всерьез. Только в одном из комодов отыскалась плетенка литра на три, из которой вырвался сивушный дух какой-то самогонки. Настолько вонючий, что впору было терять сознание.

— Неужели здешние черти подобное пьют? — кривился Василий в последних сомнениях. — А если это яд на спирту, да еще и с мухоморами?

Попробовать на вкус не решился, зато плеснул пару капель на участок содранной кожи на голени. Запекло отлич-

но, словно токомшибануло. Тут же нервные окончания занемели... А еще через минуту раненый с рычанием поливал свою рану на левом бедре. Промыл хорошенько, затем наложил повязку на рану, не скупясь, несколько раз обматывая лентой ткани свой торс. Добротню получилось, не слетит повязка.

Поиск одежды и обуви много времени не занял. Разве что трусы и носки не нашел. Зато их заменили некие кальсоны из вполне приятного телу материала и портянки все из той же белой ткани. Еще и на повторную перевязку осталось. Прочее, отобранное после пяти-шести утомительных примерок, подошло так, словно было сшито на заказ.

Более того, хомячная натура бывалого воина, путешественника и любителя приключений стала блажить по-бабьи, словно недавно убиенный дедок: «Возьми про запас! Возьми про запас! Мало ли что... Вон твоих оруженосцев уже черти куда-то унесли, они так и остались полуголыми. А вдруг во втором круге — адский холод?..»

Холодов Райкалин не любил. Фантазии свои поощрял. Предусмотрительность — вообще баловал. Поэтому быстро из большого куска полотна соорудил некое подобие сидора и накидал туда все, что не понравилось во время примерки, но подходило по размеру. Своеобразный вещмешок получился излишне огромным, но некоторые вещи поражали своей выделкой и вышитыми узорами, так что хомяк не мог нарадоваться: «Выкинуть всегда успеем! И золото, золото ищи!»

Может, деньги тут и существовали, но даже завалиющей монетки Василию не подалось. Вывод напрашивался один: ад сродни коммунизму. И зачем тогда, спрашивается, здесь нужен рыночный оскал капитализма?

Все тот же хомяк не унимался, настойчиво советовал поискать пищу, оружие и выпивку. Именно в такой последовательности. Хотя оружия недалеко от дома валялось предостаточно. Да и выпивку брать в доме колдуна умный человек никогда не станет. Но все равно снять нервный стресс несколькими глотками забористого вискаря очень хотелось.

Что самое смешное и странное — во всем доме не нашлось ни крошки съестного. Как и ни одного режущего-колющего предмета.

«Господи, я ж забыл, где я! — мысленно воскликнул Василий. — Здесь наверняка людишки едят огонь, а запивают кипящей смолой. Только вот странно, почему мне так дико хочется именно отбивнушечки с жареной картошечкой?.. Оп-па! А колдунишка-то в прах рассыпается! Ну да, двумя отдельными половинками долго не повоешь...»

На месте капель крови и натекшей внизу лужи оставались только серые пятнышки пепла. А разрубленная плоть уже сантиметра на три в глубину покрылась мелкими трещинками и тоже посерела.

«Видимо, со сковородками и котлами для грешников тут дефицит! — пришел к философскому выводу Райкалин. — Или чертям не положено в кипятке вариться, вот их сразу на месте и дезинтегрируют... Ладно, покинем эту юдоль скорби. Есть все-таки хочется, надо искать какой-нибудь ресторанчик...»

Обыскивать расползшееся тряпье, прикрывавшее две половинки трупа, показалось делом крайне неприятным и неуместным. Как не возникло и мыслей забирать массивный, неудобный топор. Он собрался повернуться, чтобы уйти, но что-то торчащее в стене знакомо пискнуло. Как раз на уровне головы ранее сидевшего здесь злобного старца. Опытный вояка присмотрелся, прикинул траекторию своего броска. Без сомнения, это был тот самый предмет, которым он швырнул в колдуна-мулата и снес ему верхнюю треть черепа.

— Лягушка? — вырвалось у Василия. — Или живой сюррикен?

И вздрогнул, когда в ответ прозвучал более настойчивый писк.

Аккуратно нагнувшись над разлагающимся трупом, Василий настороженно замер и присмотрелся внимательнее. Зеленоватый блин пятнадцати сантиметров в диаметре на четверть вошел в дерево, а остальная часть обвисла и слабо шевелилась. Судя по тому, как свисающая часть упиралась

в стену, существо пыталось вырвать часть своего тела, за-
севшую глубоко в древесине.

Было над чем задуматься. Ведь именно этому диску-ля-
гушке мулат жестко приказал отрезать у гостя ногу. Диск
это сделать не смог. Или не захотел?.. Зато при броске им в
сторону колдуна сработал великолепно: снес местному де-
мону треть головешки. Значит, это несомненно оружие.

Почему оно действовало избирательно? Что с его ис-
полнительностью-воздействием пошло не так? Понять,
стоя на месте, не суждено. Но отсутствие иного оружия в
доме и невероятная эффективность данного заставили
опытного воина задуматься:

«Вдруг мне эта животинка еще пригодится? Чего добру
пропадать? У меня в ладони она вела себя смирно... хоть и
мерзко выглядит... Может, опять попробовать коснуться?»

Хмыкнул, решительно выдохнул, медленно потянулся
рукой к встрепенувшемуся диску. И еле успел отпрыгнуть
в сторону, с колотящимся от неожиданности сердцем.
Кровь чуть не вскипела от выброса адреналина. А виной
всему оказался... топор! Превращающиеся в пепел плоть и
кости трупа рассыпались, вот топор и выпал на пол под си-
лой собственной тяжести.

Облегченно переведя дух, Василий ногой откинул в
сторону тяжеленное оружие и вновь потянулся к стене.
Непонятное существо всей плотью устремилось к пальцам
и попыталось за них зацепиться. Потом пару раз дернулось
и недовольно пискнуло, словно подсказывая: «Ну! Тащи!
Помоги выбраться!»

«Значит, все-таки зверушка! — окончательно опреде-
лился Райкалин. — Раз она мне помогла, негоже и мне
оставлять ее в беде. Авось пальцы не отрежет...»

Согнул четыре пальца, давая диску за них жестко ухва-
титься, и медленно потянул на себя. Зажатое в древесине
тельце пошло с трудом, истончаясь и вытягиваясь, словно
жевательная резинка. Но потом по всей структуре зелено-
ватой массы пробежали светящиеся искорки, вонзившиеся
в древесину и вроде как выжигающие ее. Появился ды-
мок и некая обугленность в стене, зато извлечение резко
ускорило, и неведомая зверушка вновь оказалась в муж-

ской ладони таким зеленоватым, постоянно меняющим форму образованием.

Осторожно пятясь, Василий чуть о вездесущий топор не споткнулся. Ругнулся на мешающую железяку, но, присмотревшись к ней, отметил блеск, чистоту и возросшую притягательность. Оружие выглядело так, словно его только что вычистили, отполировали и даже чем-то против ржавчины смазали.

«Никак ему кровушка воющего старца на пользу пошла! — констатировал Райкалин. — О как заблестел! Возьму-ка я его тоже...»

Но вначале следовало припрятать попискивающую лягушку. Куда? Карманов в одежде, несмотря на ее добротность и крепость, не было. В два кармашка на поясе? Они явно не для того. За пазуху, ближе к телу, забрасывать такое удивительное создание тем более здравый смысл не позволил. Зато в глаза бросилось несколько сумок, обычных, полотняных, на широкой полоске кожи, чтобы через плечо перекидывать.

Вот в одну из сумок зверушка и отправилась.

Глава вторая **МЕСТНЫЕ РЕАЛИИ**

Но стоило Василию пристроить на плече сумку с трофеем, как в доме резко запахло дымом. Райкалин тут же бросил взгляд на стену, но там, к его изумлению, ничего не тлело. Зато дым заползал в щель под входной дверью и в небольшие щели одного из окон.

«Неужели дом загорелся снаружи? — Паники не было, но следовало поторопиться покинуть это место. — Или его подожгли специально? Вместе со всем селом?»

Прежде чем броситься на выход, подхватил с пола топор. Еще припомнилось, что дверь закрылась в момент гнева старца сама, значит, и сейчас могла оказаться на внутренних замках или засовах, так что топор в любом случае кстати.

Все оказалось проще. Дверь раскрылась без всяких усилий. Зато за ней стояли стеной клубы дыма, проскочив которые Василий споткнулся о несколько горящих поленьев и оказался на земле, чудом не порезавшись о трофейный меч. Зато в остальном хорошо падал, зряче, сгруппировавшись. Потому и заметил, что его спасло кроме самого падения: большой мешок с трофеями за спиной и все тот же боевой топор в руках. В тряпках застряло две стрелы, а третья отразилась от широченного лезвия.

— Не стрелять! Это Шестопер! — проревел кто-то. — Чего встали как бараны?! Помогите своему господину!

Тотчас к начавшему настороженно подниматься Райкалину метнулись те самые полуодетые типы, которые числились возле него оруженосцами. Метнулись — это сильно сказано. Скорей они вяло изобразили желание помочь, так и не добежав пару метров до успевшего вскочить на ноги немало удивленного господина. А тот не сдержал глухого, озлобленного рычания: во время падения неудачно коснулся рукой губ, что никак не способствовало их скорейшему выздоровлению. Они опять начали кровоточить. Только вот не пристало рыцарю кривиться от боли. Поэтому рычание Василий подавил и стал осматриваться.

Ситуация и в самом деле казалась неординарной. Все восемь рыцарей, которые недавно сокрушили толпу на площади, выстроили в линию своих битюгов перед домом, прикрылись щитами, опустили забрала и приготовились атаковать своими тяжеленными копьями. В этой шеренге стояли шесть лучников, готовые выстрелить их своих огромных луков. Еще трое пеших воинов замерли с горящими палками в руках и с факелами. Похоже, именно они забрасывали дом огоньком, стараясь прожарить его обитателей.

Еще за конскими бронированными крупами виднелись рожи тех двух мужиков, которые атаковали Василия в избе, орудуя здоровенным мечом и несуразным топором.

Топот копыт известил о прибытии на место событий еще одной группы обитателей здешнего ада. Из-за ближайших домов рысью вынеслось пять всадников-рыцарей, прикрывающих собой шестого. Но у того латы выгля-

дели позолоченными, на шлеме — шикарный султан диковинных птичьих перьев и на плечах — алый плащ, развевающийся почти до самой земли. То ли главный демон, то ли местный князь — для Райкалина, озабоченного вновь начавшими кровавить губами, в общем-то разницы не было.

В тылах у этой группы виднелось еще полтора-два десятка всадников, которых никак не получилось бы приписать к категории воинов. Скорей чиновники, священники, купцы, слуги и прочая гражданская братия.

Ну и с первых же слов позолоченного обладателя плаща стало понятно, кто пуп данного домена.

— Что здесь у вас творится?! — Голос наполнился гневом и угрозой немедленной казни. — Кто посмел уничтожить жителей веси?!

К чести рыцарей и лучников, они в строю даже не шелохнулись, продолжая присматриваться к клубам дыма. Только командир отряда, развернув своего коня, подъехал ближе к прибывшим, снял шлем с головы и начал неспешный, подробный доклад:

— Кто посмел, те уже наказаны, господин маршал. На весь напали, объединившись, три ватаги: тати, дезертиры и беглые краковские каторжане. А здесь на постое был десяток под командованием баннерета Варширока. Они-то и оказали организованное сопротивление грабителям, потому что местные крестьяне с косами годились только на убой. Увы, нападение произошло ранним утром, неожиданно и коварно. Разбойники победили, истребив почти весь отряд. В живых осталось всего пятеро, их решили сжечь, предварительно поиздевавшись. Мы не успели самую малость, спасли только рыцаря Грина Шестопера и его оруженосцев. Вон они...

Полураздетые вояки сделали полупоклон. Маршал требовательно глянул на Василия, но тот лишь нервно дернул головой. Даже на кивок толком не походило. Наверное, поэтому маршал озлобился.

— Рыцарь, не павший на поле боя?! — загремел он своим воистину командным голосом. — Попавший в плен?! И почему в таком виде? Без оружия?!

Райкалин только и смог прошепелявить разбитыми губами:

— Фтое шашое шофаче фело?!

Его больше волновали физиономии сбежавших от него пленников и каталожный меч под ногами. Хотелось почему-то мужикам накостылять по шее, потому и поглядывал за ними, опасаясь, что сбегут. Ну и мысленно порадовался, узнав, как его зовут. Теперь оставалось уточнить, что такое Шестопер: прозвище, рыцарский псевдоним или родовое имя.

К счастью, обладатель алого плаща не понял выплюнутой в его адрес реплики «Твое какое собачье дело?!» и недоуменно уставился на оруженосцев шепелявящего рыцаря. И те наперебой зачастили:

— Господин Шестопер получил ранение и не скоро сможет говорить.

— Язык ему повредили...

— А на нас пятерых во время боя набросили сеть, на каждого по отдельности, затем раздели до исподнего...

— И водрузили на костер. До сих пор не верим в чудо, что отряд баннерета Молна́ра успел нас снять с огня.

— Я спрашиваю, почему в таком виде он сейчас? — рявкнул маршал, указывая рукой в кольчужной рукавице на Шестопера, который, подняв у себя из-под ног меч, начал его рассматривать.

— Доблестный рыцарь Шестопер получил ранение в бою... — начал было один, но прервался из-за смешка-хрюканья у него за спиной.

Зато своевременно продолжил его товарищ:

— А до того нас раздели до исподнего.

— Поэтому пришлось искать чистые тряпки для перевязки и хоть какую-то временную одежду. Вот он и решил зайти в уцелевший дом и попросить у его хозяев...

И опять хрюканье показало, что некий рыцарь в строю не верит подобным рассказням. Судя по сбруе, неуместно веселился побывавший здесь недавно Коннеш Найт, видевший голого рыцаря с мечом над телами селян. Да и сам баннерет Молнар не сумел скрыть иронию на своем лице.

Не иначе как слава о Шестопере бытовала не ахти какая приятная.

Это несколько обидело оруженосцев, а может, и напугало возможным наказанием. Они наперебой заторопились высказаться перед краснеющим от гнева маршалом:

— Тем не менее он голым справился вот с этими двумя предателями, которые прятались в доме колдуна и атаковали его вот этим топором и вот этим мечом!

— Да! Он справился с ними, а потом, уже с топором, вновь вернулся в дом, разбираться с его хозяином. Но тут вдруг дверь закрылась, и чуть позже послышался вой власнеча, который наверняка собрался перекинуться в тварь. И вой этот все услышали.

— Уже никто не верил, что рыцарь живой оттуда выйдет...

— А он — вышел!

Маршал раздраженно мотнул головой:

— Власнеч?! Да еще и неучтенный? Откуда в этой веси могло взяться это премерзкое чудовище? Эй, а это кто? — Он указал на двух испуганных мужиков, которые угодливо кланялись, боясь приблизиться. — И почему они были в доме?

— Это местный староста и старший кмет, назначенный здесь жупаном, — с готовностью доложил один из оруженосцев. — Вчера вечером мы их видели, а утром, во время боя, их и след простыл. Ну и никто из нашего отряда даже не догадывался, что в веси проживает власнеч.

— Ну-ка поставьте их сюда! — распорядился маршал.

Сопровождающие его гридни, не слезая с коней, подтолкнули копьями мужиков пред ясны очи своего командира. Тот вначале показательно снял рукавицу и лишь затем направил указательный палец на старосту.

— Почему никто не знал, что поганец вольного власнеча в веси пригрел?

— Да какой он поганец, ваше сиятельство! — залопотал, слегка заикаясь, мужик. — Знахарь он и травник, все село лечил, от любых хворей спасал, да еще и урожаи помогал большие выращивать. Все его любили и темного лица его не боялись...

— Так он еще и арап? — искренне поразился рыцарь в позолоченных доспехах.

— Арапов много в наших землях... — развел руками староста, напоминая, похоже, об очевидных фактах.

Но указательный палец рыцаря уже тыкал в старшего кмета:

— Ну а ты почему жупану не доложил про власнеча?

— Не было в нем ничего злого или недоброго, никому жить не мешал. — Этот тип выглядел более смелым и адекватным, не заикался, по крайней мере. — Только помогал! Ну и у светлого волхва странствующего я совета спрашивал, как быть. Так он сам с дедом побеседовал, а когда уходил, наказал старца не беспокоить вниманием жупана и никому о нем не рассказывать.

Тут не удержался от комментария баннерет Молнар:

— Экий ты глупец! Не знаешь, что власнеч любого может заговорить и духом его завладеть? Хм! Наверное, он и тебя заговорил... Потому ты его и защищал, ничего не соображая.

Маршал его поддержал, кивая с грустью:

— Как и старосту... Особенно когда этот арап в силу вошел. — Дальше он, словно добрый пастырь, стал спрашивать: — А сами как у него в доме оказались? Да еще и на рыцаря бросились?

— Ничего не помним, ваше сиятельство! — весьма искренне и честно ответил старший кмет. — Помним, что спать ложились у себя по домам, а потом боль, падение — и мы... вдруг здесь встаем на ноги. А доблестные оруженосцы рыцаря Шестопера нас за шиворот держат... И тут вой раздался...

— Ага, ага, понятно... И вы бежать решили?

— Ну... страшно ведь! Мы все четверо вон за тот дом забежали со страху.

— Да, вой это страшно, — сочувствующе кивнул маршал, вроде как пожалев селян. Тем более неожиданным оказался его приказ гридням, отданный спокойным голосом: — Рубите им головы.

Мужики не успели ни вскрикнуть, ни оглянуться, а их

две головы уже покатались по земле. Следом и оба тела рухнули, фонтанирующие кровью.

До этого момента Василий ощущал себя скорей как зритель на шикарно декорированном спектакле. Ни то, что был на волосок от смерти на костре, ни массовое побоище, ни личное ранение, выбитые зубы и пострадавшие губы — ничто на это его ощущение не влияло. Мысли, конечно, упрямо возвращались к вопросу «Где я?!», но по большому счету было плевать. Умер, да и умер! Ни приключения в избе, ни собственное омоложение, ни дознание о колдуне Райкалина не волновали. Наверное, так психика пыталась справиться со стрессом гибели и фактом странного послесмертия. Важнее казалось толком рассмотреть меч и определить его стоимость в долларах.

А сейчас, после казни провинившихся обитателей веси, припекло по-настоящему: «Ужас! Что они творят? Неужели все это всерьез и на самом деле?! Комиссара им в миномет! И ребятки мои, вижу, побледнели... Неужели их тоже маршал имеет право сейчас казнить? Хм! А там и до меня очередь дойдет? Надо что-то делать... Жаль, не знаю, как я выгляжу и сколько мне хоть примерно лет. Но вроде не совсем сопляк, как эти...»

Его подчиненные в самом деле смотрелись жалко — одеться толком не успели, повязки на их ранах пропитались кровью... И по всему чувствовалось, что ласкового отеческого тона человека в красном плаще они боятся больше его громоподобного рева. Скорей непроизвольно, они во время казни сделали по парочке шажков назад, пытаясь спрятаться за спину своего рыцаря. Стало враз понятно: если их начнут прессовать — они сразу же постараются свалить всю вину на Шестопера. А тот, похоже, трус... был.

Скорей всего и умер — духовно и морально — на столбе, как только его начали колоть копьем. Иных живых свидетелей этого позора не осталось, но и избавиться от этих двух оставшихся будет глупостью. Кто тогда расскажет Василию, что вокруг творится? Кто растолкует новые понятия и объяснит, кто такие власнечи? Еще и арапы. И самое главное, они действительно сильно зависят от своего ры-

царя. А значит, с готовностью развеют его дремучую ту-
пость и заполнят странную неосведомленность в происхо-
дящем.

То есть в любом случае парней надо оградить от наездов
местного Торквемады.

Вот Райкалин и стал действовать: вручил более плотно-
му оруженосцу топор, худощавому — меч. И стал отходить
в сторону, на край строя, прошепелявив:

— За мной!

Маршал в это время давал пояснение своим действиям
баннерету:

— Все равно они заговоренные были, на любую под-
лость и измену способные... — И тут увидел отступающую
в тылы трицу. Теперь его тон стал возмущенным: — Шес-
топер! А ты куда?!

Дискутировать с ним не хотелось, да и незнание зако-
нов могло только помешать. Поэтому пришлось воспользо-
ваться подсказкой по поводу пострадавшего языка. Рас-
крыв рот и показав провал на месте зубов, Василий обре-
ченно махнул рукой.

— А-а, гы-гы... — Какой, мол, разговор?

И уже пальцами показал: иду, мол, искать свои доспехи.
И ребят надо одеть во что-то приличное.

Это было понято, а вот отказ поведать о самом главном
вызвал дополнительные возражения:

— Стоять! Ты ведь так и не рассказал, что внутри дома.
Кто там? Колдун?

Райкалин с готовностью кивнул.

— В самом деле арап?

— Ага! Ага! — Это слово выговаривалось легче всего.

— И как ты с ним совладал?

Пальцем — на топор. Ребром ладони на второго гридня,
показывая, как после удара тело разваливается на две по-
ловинки.

— Да ну?! — В тоне маршала прорезалось явное недове-
рие. — Так просто взял и разрубил?

Кивок.

— И что с ним теперь?

Новые жесты в сторону головешек соседнего дома, которые, без сомнения, понимались как: «Хана колдуну! Сгорел дотла!»

Но тут вмешался баннерет, который, указывая на дом, спросил:

— Почему тогда мы его поджечь не можем? Ничего не разгорается. Значит, власнеч жив и до сих пор держит защиту.

В самом деле, даже большие факелы, брошенные на просмоленную drankу крыши, погасли, так ничего и не подпалив. Только некоторые палки, откатившиеся от дома на полтора-два метра, еще дымили, не давая пламени. Шестоперу ничего не оставалось, как в недоумении развести руками и пожать плечами. Дескать, а ко мне какие претензии?

Наверное, хорошо, что за спиной маршала всхрапнула и заржала лошадь под кем-то из всадников свиты сопровождения. Вершитель судеб недовольно оглянулся, и тут же его черты разгладились в озарении:

— О! Христиане-католики! Как я мог о вас забыть! Ну-ка, святые отцы, покажите, чем ваша вера сильнее умения черных волхвов и вольных власнечей!

Там в седлах восседали три священника или монаха в черных одеяниях. Но откликнуться на призыв они явно не торопились.

— Ваше сиятельство, — сказал один из них степенно и со всем почтением, — наше воздействие против злого колдовства нуждается в долгой подготовительной работе. И строгом посте как минимум в течение суток...

— Ха! А вон простой рыцарь вошел и попросту зарубил колдуна. Теперь вам только и остается, что помочь сжечь этот дом. Приступайте!

— Сожалею, — покачал головой второй священник, — но у нас нет с собой надлежащих символов...

И был с презрением оборван:

— Не вы ли утверждали, что ваш самый главный символ, вера в Бога, всегда при вас, всегда в вашей душе? Эй, помогите святым отцам!

И этот приказ гриди выполнили с завидным рвением. Судя по тому, как они крайне бесцеремонно сдернули священников на землю, они их, мягко говоря, недолгоблывали. Затем грубо вытолкнули возмущающихся католиков вперед строя, на то место, где недавно стоял рыцарь Шестопер.

— Дайте им факелы! — чуть ли не с умилением попросил маршал. Дождался выполнения приказа и напутствовал с чувством и пафосом: — Вперед, рабы божьи! И да поможет вам Христос!

Все трое взглянули на юродствующего инквизитора со злобой и ненавистью, но спорить не посмели. Сбившись в кучку, они вытащили из своих одеяний серебряные кресты и, держа их перед собой в левой руке, двинулись к дому. Еще и запели вполне величественно звучащую молитву. Получилось красиво и душевно, хотя Василий никак не мог понять творящегося цирка.

«Что за странные топтания? Действуй от простого, и будет тебе счастье. Вошли, подожгли тряпки с сундуками, и вся байда! Даже меня могли братья по вере вежливо попросить, я бы не отказал им и сам поджег».

Скорей всего и такими действиями не полагалось рыцарям руки марать. Но зато было интересно посмотреть, что у священников получится. Тем более что продемонстрированное отношение к религии, мягко говоря, поражало. Что за мир такой странный? И колдуны-арапы, и волхвы, и поборники Христа вроде как не в чести? Кому тогда поклоняются сами рыцари, ведь ни на одном из них он не заметил ни креста, ни иной религиозной символики.

Тем временем молитва помогла троице приблизиться к дому, и протянутые вперед факелы лизнули огнем нижний край крыши. Казалось бы, через мгновение просмоленная dranka разгорится, но тут что-то грохотнуло, и три синие молнии превратили священников в дымящиеся кучи плоти, исходящие паром и сочащиеся выступившей кровью. Увиденное вызвало вздох ужаса у всех свидетелей данной трагедии. Даже некоторые кони всхрапнули.

Дальше события развивались уже без всякого колдовства и смертоубийств.

Два факела, упавшие на землю, потухли, а третий упал возле самой стены и продолжал гореть. Пламя вроде как несмело лизнуло потемневшие от времени бревна и тут же весело затрещало, взбираясь и распространяясь по стене так, словно туда кто-то плеснул хорошую кружку бензина.

Не прошло и пяти минут, как горела большая часть дома.

— В самом деле власнеч помер, — констатировал громко баннерет Молнар. — Иначе ему сил бы хватило нас тут всех отправить на перерождение.

— Ну да, — с каким-то унынием согласился маршал. — Домовой смерчень тоже крякнулся, раз дом защитить толком не смог. Знал бы точно, вначале послал бы чашников обыск сделать. Наверняка там много ценного сгорит...

— Оно вам надо? — удивился Молнар. — Да и чашников не жалко?

— Чего их жалеть? Пусть бы хоть раз свое содержание отработали. А то жрут как кони, а пользы никакой... Но этот Шестопер, получается, и в самом деле колдуна развалил?

— Получается, что не соврал...

— И мешок у него с чем?.. Эй! Может, и нам покажешь, чего прихватил в доме?

Василий понял, что обращаются опять к нему. И пришла верная догадка, что показать трофеи он может только по своей доброй воле. Приказать ему даже суровый Торквемада не вправе. Поэтому Василий лишь мотнул отрицательно головой и жестом показал, что ничего, кроме одежды, в мешке нет.

Маршал скривился и проворчал:

— Может, и в самом деле ничего ценного... Тем более что в таком доме ни золота с серебром, ни оружия нет...

— Как обычно! — уверенно кивнул баннерет. — Только мне интересно, куда все-таки смерчень делся? И почему он не помог власнечу с рыцарем справиться? А? — Теперь уже и он во все глаза пялился на Райкалина. — Ведь это колдун на тебя выть начал? С какой стати он призывал свою высшую силу на расправу с одним человеком?

«О чем это они булькают? — недоумевал Василий. — Логика подсказывает, что о лягушке речь идет. Но стоит ли мне ее этой толпе показывать? Вроде сидит зверушка тихо, не шевелится и не пищит... Если вообще не издохла во время моего падения».

В ответ он вновь пожал плечами, красноречиво промычал:

— Гы-гы! Агы-ага! — После чего с удовольствием стал присматриваться к краснеющим рожам старших по титулам и по званиям.

Зато вдруг встрял в разговор худощавый оруженосец:

— Скорей всего господин Шестопер имеет врожденное противление колдовству. Его еще светлый волхв князя Янкору пытался проверить на отторжение обратной порчи, но у него ничего не получилось. Вот тогда мы и услышали о противлении.

Повисла тишина, и Василий догадался, что от него ожидают подтверждения прозвучавших объяснений. Пришлось степенно кивнуть, а потом небрежно махнуть рукой худощавому, мол, продолжай, разрешаю!

Тот не заставил себя упрашивать:

— Ну и светлый власнеч града Турконь, великий Тейлор, все пытался на господина морок наслать во время свадебного пира тамошнего маршала. Хотел таким образом спор выиграть, кто кого перепьет. Но ничего у него не получилось, проиграл.

— А-а! Слышал я о том споре, слышал, — хмыкнул маршал, с неким подобием улыбки что-то припоминая. — Занятная история!

Под издевательские смешки рыцарей, слегка сломавших строй и отступивших назад из-за жарко горящего дома, кто-то еще и прокомментировал:

— Тогда Шестопер-то и прославился, показав себя великим поглотителем самого крепкого вина.

— Настоящий герой! Беспремерный! — вставил свои пять копеек все тот же Коннеш Найт. — Ура!

Его клич никто не поддержал, да и маршал глянул на него, словно на клопа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Водворение в ад	5
<i>Глава вторая.</i> Местные реалии	24
<i>Глава третья.</i> Первые подвиги	37
<i>Глава четвертая.</i> Новая история	47
<i>Глава пятая.</i> Долг платежом красен	60
<i>Глава шестая.</i> Эх, дорога...	72
<i>Глава седьмая.</i> Предвестники ига	86
<i>Глава восьмая.</i> Восточное вероломство	92
<i>Глава девятая.</i> И сам запутался в сетях своих!	99
<i>Глава одиннадцатая.</i> Всего лишь шаг — и вот она, победа!	109
<i>Глава двенадцатая.</i> Никто не победил, но не было и проигравших	122
<i>Глава тринадцатая.</i> Энергетический вампир	131
<i>Глава четырнадцатая.</i> Выяснение позиций	142
<i>Глава пятнадцатая.</i> Удивительная возможность	152
<i>Глава шестнадцатая.</i> Неравноценный обмен	163
<i>Глава семнадцатая.</i> Кошмары и чудеса лечения	169
<i>Глава восемнадцатая.</i> Саботажи и диверсии	180
<i>Глава девятнадцатая.</i> Горькая месть	195
<i>Глава двадцатая.</i> Как заработать миллион?	207
<i>Глава двадцать первая.</i> Пустите погреться, а то переночевать негде...	217
<i>Глава двадцать вторая.</i> Любовный менингит	224
<i>Глава двадцать третья.</i> Новый помощник	236
<i>Глава двадцать четвертая.</i> Шпионские страсти	244
<i>Глава двадцать пятая.</i> Сложные разговоры	256
<i>Глава двадцать шестая.</i> Эх ты, удаль молодецкая!	268
<i>Глава двадцать седьмая.</i> Последствия и зачистки	275
<i>Глава двадцать восьмая.</i> Нет лучше дома своего!	279
<i>Глава двадцать девятая.</i> Утренние хлопоты	287
<i>Глава тридцатая.</i> Новые заговорщики	296
<i>Глава тридцать первая.</i> Догоняющие беглецы или убегающие преследователи?	307